

Н. Н. ВИХРОВА

**И. С. АКСАКОВ и Н. С. СОХАНСКАЯ:
Перипетии творческого взаимодействия^{*}**

На фоне литературно-общественных споров в русской литературе 1840-х — 1850-х гг. XIX в. о «гоголевском» и «пушкинском» направлениях славянофилы выработали свою историко-литературную концепцию, которая содержит следующие положения: русская литература в своем развитии миновала и пушкинский, и гоголевский периоды; они были необходимы и исторически закономерны, однако к середине XIX в. исчерпали себя; в перспективе следует ожидать литературу «синтеза», которая будет отражать истинный народный дух и в форме, и в содержании; создать такую литературу будет способен такой художник, который будет един с народом в главном — языке и вере. Характерно, что А. С. Хомяков в статье о творчестве С. Т. Аксакова утверждал, что в художественном отношении он пошел дальше Пушкина и Гоголя, усвоив достижения обоих гениев.¹ Именно с именем С. Т. Аксакова связывал Иван Аксаков «оправдание великого призыва русской литературы». 5 ноября 1857 г., поднимая тост в честь своего отца, он произнес: «Пусть же оправдается современное великое призвание русской литературы, пусть высоко горит ее светоч, озаряя путь русскому обществу, разливая свое сияние всюду, мимо всех преград, еще поставленных ему трусливым невежеством!

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00103).

¹ Русская Беседа. 1859. Кн. III. С. II.

Господа! Именем моего отца предлагаю тост в честь высокого подвига, предстоящего современному русскому общественному слову, в честь русской литературы!»²

Творчество С. Т. Аксакова было единодушно восторженно принято не только славянофилами, которые подчеркивали, что он первый посмотрел на жизнь не с отрицательной, а положительной стороны (Гиляров-Платонов, Хомяков). Иван Аксаков, присоединяясь к общему мнению по поводу языка и положительного направления творчества отца, отмечал еще одну особенность, которая роднила его с Гоголем: честность, искренность. Тематика произведений С. Т. Аксакова сугубо автобиографична, он максимально открыл обществу, не таит темных сторон своего рода и не боится утомить специфическими подробностями личных увлечений. Свое отношение к творчеству отца И. Аксаков со всей очевидностью заявил в речи, произнесенной на чествовании С. Т. Аксакова 5 ноября 1857 г., где особо подчеркнул: «...Перед лицом всей России с законной гордостью могу сказать: мой отец — честный писатель!»³

Нравственному понятию честности И. Аксаков придавал особое значение, достаточно вспомнить передовую «Дня», где он рассуждает о различии дефиниций чести и честности и приходит к выводу о том, что «все, что есть доброго в практических результатах чувства чести, достигается вполне началом честности в человеке, началом высшим, нравственным, положительным, несравненно более животворным. (...) Мы должны проникнуться убеждением, что судьба нашего дорогого отечества зависит от личного нравственного подвига каждого из нас и что никакое внешнее могущество не прочно и не спасет Россию при мертвенностии нашего личного духа, при слабости нашей личной гражданской нравственности, при отсутствии в нас деятельной, движущей нравственной личной воли!»⁴ За этими словами Аксакова стоит общая славянофильская установка на возведение личной нравственности в ранг высшего и универсального критерия определения истинности любого общественного, художественного и духовного рода деятельности. Причем Хомяков, Самарин, Киреевские и Аксаковы не только декларировали эту установку, но и лично являли образец нравственного, чуть ли не праведного образа жизни: целомудрие,

² РО ИРЛИ. 10788.

³ Там же.

⁴ День. 1863. 19 окт. № 42. С. 1—2.

честность, истовая религиозность.⁵ С высоты таких нравственных позиций трудно было найти литературную фигуру, которая бы соответствовала бы высоким славянофильским требованиям. Именно несовершенства нравственного облика Пушкина, отсутствие «базовых аккордов», по мнению Хомякова, не позволяют перед ним «благоговейно кланяться»,⁶ а значит, он не может быть истинно народным поэтом.

И. Аксаков проблему нравственности в искусстве считал остро актуальной. Еще в 1856 г. в славянофильской «Русской беседе» вышла статья Ап. Григорьева «О правде и искренности в искусстве», которая заслужила сочувственный отклик И. Аксакова⁷:

⁵ О. С. Аксакова писала после смерти дочери Веры: «Душа моя переполняется горестью; сильно чувствуя потерю моих необыкновенных, в полном смысле нравственных детей моих» (И. С. Аксаков в его письмах. М., 2004. Т. 3. С. 528).

⁶ Цит. по: Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 39.

⁷ Критические выступления Ап. Григорьева вызывали у И. Аксакова стойкий интерес. В 1860-е гг. он внимательно следил за его критикой на страницах изданий братьев Достоевских. Аксаков всегда придавал огромное значение степени искренности литературного деятеля; искренность и благородство устремлений в его глазах имели определенный «резон», оправдывающий даже идеологические заблуждения. Не будучи лично близок Григорьеву, Аксаков тем не менее был одним из немногих, кто откликнулся на смерть критика в 1864 году проникновенным некрологом: «Несмотря на многие странности, на резкие увлечения в мнениях и выражениях, это был человек искренно, благородно мысливший и писавший, горячо преданный русскому искусству, во всех его проявлениях — в музыке, в живописи, в слове, и в особенности на русской сцене. И мысль и речь его отличались постоянной страстью: похвале и порицанию отдавался он с такою пылкостию, что приговоры его теряли наполовину своего значения; от одной крайности бросался он нередко в другую противоположную, — но все 15 или более лет его литературно-журнального поприща никто ни разу не мог заподозрить Аполлона Григорьева в неискренности, двусмысленности, в нечистоте побуждений...» (День. 1864. 3 окт. № 40. С. 20).

О диалоге между славянофилами и почвенниками по поводу Кохановской см. статью: Кунильский Д. А. Статья во «Времени» о Кохановской: об одной встрече почвенничества и славянофильства // Достоевский и современность: Материалы XXVII Междунар. Старорусских чтений 2012 г. Великий Новгород, 2013. С. 115—121.

Думается, можно видеть и прямое влияние Григорьева на Аксакова как критика, когда в 1870-е гг. тот буквально склоняется к григорьевской мысли, что значение искусства «высшее, чем наука».

«Статья Аполлона Григорьева, хотя и написана увесистым языком, однако очень занимателна по вопросу, которому она посвящена, вопросу вполне современному и близкому каждому из нас. Он его слабо решает, вообще не обнимает вопроса во всей его полноте, но чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критериум в эстетику».⁸ Интересно, что в это время и Хомяков характеризовал Григорьева как «решительного славянофила», шли переговоры критика с А. И. Кошелёвым о постоянном сотрудничестве в «Русской беседе», тем не менее позиции Григорьева и славянофилов несколько расходились. Главное различие сам Григорьев видел именно в разных взглядах на искусство. Так, Кошелёву он писал 25 марта 1856 г.: «Главным образом мы расходимся с вами во взгляде на искусство, которое для вас имеет значение только служебное, для нас совершенно самостоятельное, если хотите — даже высшее, чем наука. Когда я говорю, что *главным* образом мы в этом расходимся, то говорю не совсем точно, — надо бы сказать: единственно в этом, — во всем остальном, т. е. в учении о самостоятельности развития, о непреложности православия, мы (по крайней мере я лично) охотно признаем вас старшими, а себя учениками. (...) Вот наши различия *положительные*. Из них вытекают *покамест* наружу, литературно, вот какие последствия: 1) большее сравнительно с вами поклонение Пушкину и меньшее сравнительно с вами же поклонение Гоголю; 2) значительнейшая сравнительно с вашею оценкою оценка некоторых литературных явлений настоящей минуты нашей».⁹

Славянофилы действительно возводили в культ творчество Гоголя, связывая с ним надежду, что он преодолеет собственное «отрицательное» направление «положительным» во втором томе «Мертвых душ». Для Ивана Аксакова Гоголь в первую очередь являл образец наивысшей цельности художника, в котором нет разделения на «писателя и человека, члена общества».¹⁰ И в этой позиции Аксаков был даже более последовательным, чем старшие славянофилы, большинство которых с неодобрением отнеслось к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголя из-за предпринятой писателем прямой проповеди слова Божия, считая, что «христианин» погубил «художника». По мнению Аксакова,

⁸ Аксаков И. С. Письма к родным (1849—1856). М., 1994. С. 468.

⁹ Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 2. С. 259—260.

¹⁰ Там же. С. 18.

«вся мученическая, художественная деятельность Гоголя, все его существование, писание „Мертвых душ“, сожжение их и смерть, все это составляет такое огромное историческое событие, с таким необъятным значением, от которого дух захватывает».¹¹

В 1852 г. Иван Аксаков публикует в редактируемом им самим «Московском сборнике» статью-некролог «Насколько слов о Гоголе», в которой акцентирует внимание на смене литературных эпох, конце гоголевского периода и ожидании нового имени, предсказанного самим Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», которые цитирует Аксаков: «Нет, не Пушкин и никто другой должен стать в образец нам: другие времена пришли».¹² Гоголь указывает, что «христианским, высшим воспитанием должен воспитаться теперь поэт», для того чтобы иметь конкретное воздействие на общество. Пушкин, по мнению Гоголя, почти не имел влияния на общество, зато сыграл решающую роль в образовании целой плеяды даровитых поэтов, «которые не выказали бы собственного поэтического огня и благоуханных движений душевных, если бы не были зажжены огнем поэзии Пушкина».¹³ Однако время требует теперь не развитие поэзии «в самой себе», а появление поэта-христианина, который бы смог могущественно воздействовать именно на общество. Аксаков очень внимательно читал и перечитывал «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и особенно был удовлетворен его пониманием «существа русской поэзии». В отличие от остальных славянофилов Аксаков в положительном ключе воспринял это произведение писателя, так как почувствовал в нем мощный нравственный практический прорыв — из выдуманного художественного мира в мир реальный. А еще Аксаков увидел наконец разрешение проблемы примирения религии и жизни и был убежден в том, что «Гоголь искренен, что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям».¹⁴

¹¹ Письмо И. С. Аксакова к И. С. Тургеневу от 26 февраля 1852 г. // Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М., 1894. С. 18.

¹² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 259.

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Аксаков И. С. Письма к родным (1849—1856). С. 347. Кстати говоря, смерть Гоголя для всего славянофильского кружка с очевидностью выяснила правоту Аксакова (см., например, утверждение Ю. Ф. Сама-

После смерти вождей славянофильства Аксаков осознает себя чуть ли не единственным «душеприказчиком» славянофилов и считает своим долгом «служить памяти Хомякова и брата, печатая их статьи и доказывая своими статьями, что мысль их жива и плодотворна (...). Она как фонарь, светящий в будущее».¹⁵ Аксаков считает, что главная задача в это время — формирование народного самосознания общества. Вместе с тем он продолжает борьбу за «новую литературу», «литературу синтеза», ростки которой видит в творчестве Кохановской (Н. С. Соханской).

Писательница привлекла внимание славянофилов после выхода повести «После обеда в гостях». Весьма сочувственный отзыв К. С. Аксакова, а затем Гилярова-Платонова, благожелательное отношение Хомякова решили дальнейшую творческую судьбу писательницы. Иван Аксаков, давно искавший новое имя в литературе, которое соответствовало бы славянофильским эстетическим представлениям, с энтузиазмом остановился на Кохановской. Аксакову, видимо, могло показаться, что в творческой индивидуальности писательницы удачно соединились черты, напоминающие Гоголя (малороссийский бытовой и языковой колорит, глубокая религиозность) и С. Т. Аксакова (автобиографичность, «семейная» тематика, тонкий психологизм). Неслучайно, может быть, в переписке с Соханской по поводу ее произведений Аксаков весьма часто упоминал в качестве авторитетов именно Гоголя и С. Т. Аксакова.¹⁶ Помимо этого, славянофилов привлекали и такие ее черты,

рина, что Гоголь изнемог перед громадностью «задачи обновления искусства в живой струе христианства» (Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 193).

¹⁵ Письмо кн. Е. А. Черкасской от 6 февраля 1861 г. цит. по: Кошелев В. А. Век семьи Аксаковых // Север. 1996. № 4. С. 83. Тем не менее современники отчетливо видели отличие аксаковского «Дня» от выступлений прежних славянофилов. Так, в «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.» (СПб., 1865), подготовленном для Министерства внутренних дел, гр. П. И. Капнист утверждал: «Что касается до „народности“, то и это понятие Киреевские применяли к религии, Хомяков — к науке и искусству, а И. Аксаков уже по преимуществу к общественному и политическому строю, сходясь в этом случае с самыми радикальными тенденциями самых крайних „западников“, прежних непримиримых врагов славянофильства» (С. 63).

¹⁶ См., например, по поводу повести «Гайка»: «Великое дело — мера и стройность всех частей произведения. Гоголь особенно хлопотал об этом, отец мой также это проповедовал, а они оба — великие знатоки

как удаленность от столиц, близость к народу, знание фольклора, глубокая религиозность и личная нравственность. Все это позволило Аксакову с энтузиазмом заключить: «Вы *наши*, т. е. ваша деятельность имеет для нас большое значение, уже уяснена и определена нами (...) философски, исторически, филологически и проч.»¹⁷ Вместе с тем, поскольку Аксаков понимал, что сама Соханская имела весьма поверхностное представление о славянофильстве, он взял на себя задачу ею руководить и направлять ее талант в нужное русло, о чем со всей очевидностью свидетельствует их переписка, длившаяся без малого тридцать лет. Другими словами, «практический» Аксаков решил воплотить «славянофильскую» теорию в жизнь.

Почти каждое произведение писательницы Аксаков подвергал строгой критике. Он не вполне доверял даже ее фольклорным познаниям. Так, в письме к родным он предупреждает, чтобы отдали статью Кохановской сначала прочитать К. Аксакову: «Дело идет о песнях, а тут она может сделать грубый промах в определении народности самой песни».¹⁸

Отдельная история связана с публикацией статьи «Степной цветок на могилу Пушкина», написанной в 1857-м, но опубликованной только в 1859 г. в «Русской беседе» после серьезного рецензирования Аксаковым.

Первоначально Соханская предполагала отдать статью А. В. Дружинину в «Библиотеку для чтения», однако он отказался ее печатать, протестуя против попытки представить Пушкина «пламенным пророком-христианином», «чего на самом деле не было и что, впрочем, вовсе неайдет к делу».¹⁹ Иван Аксаков счел нужным предварить публикацию «Степного цветка...» обширным полемическим ответом Соханской Дружинину, который в письме к ней высказал причины, по которым он «находил эту статью незаслуживающей печати».²⁰ Соханская отвечает следующим образом: «Отрицать религиозность в Пушкине в последние годы его жизни в пору могущего самобытного развития его гения — это почти все равно, что утверждать, будто бы с лицейской скамьи и до могилы Пушкин

и учителя в этом деле» (Аксаковы в переписке с Н. С. Соханской (Кохановской (1858—1883)) // Русское обозрение. 1897. Т. 43, февр. С. 580).

¹⁷ Там же. С. 575.

¹⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 2004. Т. 3. С. 61.

¹⁹ Русская беседа. 1859. Кн. V. С. 14.

²⁰ Там же. С. 11.

оставался неизменным певцом Вакха и Киприды (...) И как вы думаете: идет ли к делу или оно вовсе не идет: проследить этот вопрос о религиозности в нашей литературе — как он открывается в представителе ее Пушкине и что из того может следовать. А очень может следовать то, что, коснувшись этого вопроса, наша литература войдет в соприкосновение с глубокими, жизненными основами народного характера и оттого сама получит глубину, которой у нее нет, и из этой-то глубины встретит положительно-прекрасные идеалы, которых тоже, к сожалению, в нашей литературе нет». ²¹

В первой части статьи писательница подвергает анализу пушкинские стихотворения, посвященные теме поэта и назначения поэзии, и приходит к мысли, что Пушкин был одним из великих поэтов-пророков, несомненно, посланный России Богом, который в некоторых своих стихах выразил «веру в высшее духовное, религиозное предопределение его таланта». ²² Именно поэтому центральным звеном в «эпопее духа» поэта становится стихотворение «Пророк», в котором со всей очевидностью отразился эпический характер пушкинской поэзии: «Это чисто библейский эпос во всем величии священных картин и образов повествуемого события». ²³

Вторая часть статьи Соханская, которая показалась Аксакову «несколько слабее», посвящена вопросам общественной значимости поэзии Пушкина, патриотизма поэта, его народности, всеохватности его творчества, высокого религиозного настроя его последних произведений, несправедливой непризнанности критикой его творчества последнего периода («Онегина», «Полтавы», «Бориса Годунова»). В статье содержалась и полемика с некоторыми суждениями о творчестве Пушкина П. В. Анненкова и Некрасова. Интересно, что Соханская, протестуя против «ревнителей пользы», дискредитирует сразу и защитника «чистого искусства» Анненкова и приверженца общественной пользы искусства Некрасова: «...ревнители пользы строят систему недостойных обвинений против Пушкина: будто бы он в своем исключительном значении художника отрещал себя от общества; не признавал над собою прав гражданства — почти перестал быть сыном родной земли; как служитель изящного, не принадлежал толпе (и очень естественно, потому что изящное не есть достояние толпы). „Не надо забывать,

²¹ Там же. С. 15.

²² Там же. С. 67.

²³ Там же. С. 35.

однако ж, — говорит издатель «Материалов для биографии Пушкина», — что все отвлеченное и неприложимое к жизни в теории, исправлено было практическим смыслом самого поэта, который никогда не мог отделиться от исторического и действительного быта родины, от окружающих явлений природы²⁴ и пр. и пр. По счастью для нас, Пушкин не имеет нужды в таком снисходительном оправдании (...). Что это за поэт, которому мы даем имя нашего великого поэта, если его поэзия принадлежала не нашей жизни, а немецкой теории?»²⁴ А позиция Некрасова, относительно Пушкина, высказанная в стихотворении «Поэт и гражданин», вообще приравнивается Соханской к репликам «толпы» из пушкинского стихотворения «Поэт и толпа». Говоря о народности Пушкина, Соханская пускается в философские рассуждения: «На своем благородном лице он (Пушкин. — H. B.) выносит полнейший отпечаток мировой личности своего народа в ее высших, основных проявлениях, а не в обыденных нуждах и житейском волненье толпы. И так удаляясь от толпы и входя в самого себя, поэт этим самым приближается к исполнению своего назначения, отстряняя все мелкое и случайное, чем бессознательно живет и движется чернь, и вступая под вдохновенное осенение того широкого национального чувства, с каким родной народ поэта принимает в себя вековые истины и развивает их в своей высшей сознательной жизни — в мире идей и идеалов родного поэта».²⁵

Аксаков верно заметил, что оригинальность данной статьи заключалась в необычном художественном осмыслении нескольких пушкинских стихотворений, в которых Соханская удалось выразить свое понимание духа поэзии Пушкина. В целом же сочинение Соханской явно грешило эклектичностью: в ней явственно ощущались отзвуки высказываний о Пушкине Гоголя, Белинского, Каткова, Ап. Григорьева.

Аксаков, впрочем, нашел статью вполне «славянофильскою» и был в целом согласен с подобной трактовкой пушкинского творчества. «Статья ваша о Пушкине, — писал он автору, — самое торжественное ему оправдание, его истинное прославление. Никто до сих пор не взглянул так глубоко в самую суть его поэзии, не выхватил так смело из этой глуби самых сокровенных перлов, которые и для него самого не были предметом ясного сознания и которые

²⁴ Там же. С. 49.

²⁵ Там же. С. 54.

по внутреннему инстинкту он даже уберегал от чужого пытливого взора».²⁶ Тем не менее Аксаков, прежде чем поместить статью в славянофильском журнале, высказал автору довольно много замечаний в письмах от 20 июля и 5 августа 1859 г.

Главный недостаток статьи Аксаков видит в отсутствии исторического подхода к пушкинскому творчеству: «Для полноты этюда недостает (простите славянофилю!) той исторической точки зрения, без которой едва ли понятна преемственность поэтической и вообще литературной деятельности на Руси и отношение их к народу и народности».²⁷ Соханская трактует народность в духе Каткова.²⁸ По ее мнению, народность выражается в поэте через чувство, «с каким каждый народ принимает и водворяет в своей жизни добытую общими усилиями истину»; поэт, таким образом, «есть высшее индивидуальное проявление (...) народности».²⁹

Аксаков же вообще избегает напрямую говорить о народности поэта в широком смысле, ограничиваясь утверждением, что народность проявилась лишь в некоторых стихотворениях, причем тут же вводит в свои размышления характерный славянофильский оттенок: «Гений Пушкина особенно виден в том, что, несмотря на иностранное воспитание и его, и общества, он в некоторых произведениях своих, едва прикоснувшись к народной речи, умел глубоко схватить всю внутреннюю субстанцию этой речи. Но и он томился чувством сиротства, которым болеют все наши великие художники и деятели, т. е. отрешенности от народа сознанием своей беспочвенности, недостатком жизненной реальности положительных идеалов. В Пушкине, впрочем, эта скорбь слышна была менее, опять вследствие причин исторических. В нем и не могло быть той рефлексии, того разъедающего анализа, того реального отрицания (а не отвлеченного только), который внес в общественное сознание Гоголь на благо и спасение наше».³⁰

Принципиальный характер носит замечание Аксакова, касающееся вопроса о «полезности» искусства. Он придерживается мнения, которое уже высказывалось Дружининым и Ап. Григорьевым в связи с оценкой именно пушкинского творчества, но ко-

²⁶ Русское обозрение. 1897. Т. 43, февр. С. 584.

²⁷ Там же. С. 585.

²⁸ Между прочим, Аксаков считал статью Каткова «Пушкин», опубликованную в «Русском вестнике» в 1856 г., «одной из лучших».

²⁹ Русская беседа. 1859. Кн. V. С. 54.

³⁰ Русское обозрение. 1897. Т. 43, февр. С. 584.

торое у него уже давно выработалось в результате самостоятельного осмысления значения пушкинской поэзии: истинная поэзия имеет не «материальную» пользу, воздействующую на общество, а духовную пользу, облагораживающую душу каждого человека. Замечание Аксакова содержит также характерный полемический выпад против Некрасова (можно предположить, что и против позиции «Современника» в целом). Редакторская оговорка Аксакова касалась интерпретации Соханской стихотворения «Поэт и толпа»: «Мы должны сделать здесь оговорку такого рода: что под словом «чернь» Пушкин не разумел простой народ, людей бедных и не имущих хлеба, чему доказательством служит анекдот о том, как он прочел эти стихи в доме высшего круга. Что в сочувствии и уважении к народу мы не уступим ни гражданину-Некрасову и никому, но что тем не менее мы думаем, что значение поэзии важно и полезно именно тем благотворным действием, которое поэзия производит в душе человека, что «сладкие звуки и молитвы» перевоспитывают нас, действуют *положительно*, а не *отрицательно*, что благо, что есть такие люди, которые не приковывают свой дар к времененным случайным вопросам и гремят нам истинами вечными и т. п.». Это было одно из стойких убеждений Аксакова. Соханская не вполне последовательно учла это замечание Аксакова. Полемизируя с «ревнителями пользы», она горячо выступает против объяснения пушкинского понимания роли поэзии как следствия «немецкого влияния» на поэта. Писательница считает, что «не отвлеченную теорию, извне принятую, развивал Пушкин, а жило в нем его собственное художническое чувство».³¹ Приводит Соханская в своей статье и известный анекдот о том, что Пушкин свое стихотворение «Чернь» («Поэт и толпа») читал в домах высшего света. Однако прямых суждений о благотворном действии истинной поэзии на душу человека (что и является общественной «пользой» поэзии) в ее статье нет.

Несмотря на принятие основной идеи статьи Соханской о христианской сущности пушкинского творчества, Аксакова все же смущал откровенно иконописный облик поэта, который выходил из-под пера писательницы: «Вы, справедливо говоря о том благодушии, которое слышится в стихе Пушкина: „...и с детской ревностью колеблет твой треножник“, прибавляете, что тут веяние слов: „Отпусти им, не ведят бо, что творят“. Не слишком ли это много?»

³¹ Русская беседа. 1859. Т. V. С. 64.

Вспомните, когда и где сказаны эти святые слова?»³² Соханская все же оставила этот пассаж без изменений, он иллюстрировал ее мысль, что «с дальнейшим ходом жизни не только не ослабевала в Пушкине поэтическая вера в высшее духовное, религиозное предопределение его таланта, но даже эта вера укреплялась и росла...»,³³ поэтому указанное сравнение не показалось ей неуместным.

Однако с данным утверждением Соханской оказался не согласен такой авторитетный славянофил, как Хомяков. По поводу статьи «Степной цветок на могилу Пушкина» Хомяков и Аксаков в ноябре 1859 г. обменялись письмами, которые обнаружили разногласия не только в оценке статьи Соханской, но и в оценке творчества Пушкина в целом.

Хомяков высоко оценил художественное достоинство статьи и замысел писательницы, что она «хотела и могла так посмотреть на Пушкина (...) что (...) проследила, прочувствовала ту способность в Пушкине, которой он не развил, те звуки, которые у него разбросаны более как вздохи временного ропота на себя, чем как слова сознательного достоинства».³⁴ Но попытка Соханской интерпретировать творчество Пушкина с религиозно-нравственной точки зрения показалась Хомякову решительно неубедительной. Анализируемые стихотворения, по мнению Хомякова, действительно шедевры русской поэзии, но они случайны и не характерны для поэзии Пушкина в целом. В. А. Кошелев, рассматривая отношения Хомякова к Пушкину, справедливо отмечает: «Именно „душа“ смущает Хомякова: сознавая „всеобщность“ Пушкина-поэта, Хомяков не может не совместить ее с бытовым представлением о его личности, не спроектировав „душу“ на художественные создания».³⁵ Хомяков, как уже говорилось выше, подходит к Пушкину с меркой христианской истины, которая являлась для славянофилов главным и универсальным критерием, и подводит к тому же выводу, что и Дружинин: религиозная интерпретация пушкинского творчества «вовсе нейдет к делу». Характерно, что в 1856 г. в «Русской беседе» и Гиляров-Платонов уже высказывал подобное мнение: «В прекрасно-художественной форме, с сочувствием отстаивая права жизни, права факта, права личности, он (Пушкин. — H. B.)

³² Русское обозрение. 1897. Т. 43, февр. С. 592.

³³ Русская беседа. 1859. Т. V. С. 67.

³⁴ Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков. С. 39.

³⁵ Там же. С. 40.

не покорял в своем поэтическом представлении жизнь в ее высшей нравственной, тем менее — религиозной истине».³⁶ Для Хомякова художественность и поэтическое наитие не показатели истинной народности художника. Сравнивая Гете и Шиллера с Пушкиным, он пишет: «Хвалите, браните этих людей, но как бы к ним не относились в художественном сочувствии, вы не можете не признавать в них строгих, мужественных, мужских душ, духовных борцов, перед которыми невольно преклоняешься», а «Пушкин „измельчал“ не в разврате, а в салоне. От этого-то вы можете им восхищаться, или лучше сказать, не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться».³⁷ Понимая, что этот «нравственный императив» — основа славянофильской эстетики, Аксаков весьма решительно защищает Хомякова от нападок Соханской. Тем не менее, думается, Аксакову в целом точка зрения Соханской на поэта была более близка, чем позиция Хомякова. Во-первых, писательница смогла так представить нравственный облик поэта, что он, в общем, не противоречил славянофильским идеалам. Во-вторых, Аксакова, в противоположность Хомякову, не смущают представленные в статье Кохановской пушкинские стихотворения. Даже если предположить, что стихотворение «В начале жизни школу помню я...» является, как утверждал Хомяков, «переводом из Данта», то, по мнению Аксакова, «это не отнимает достоинства у Пушкина. Его заимствования несравненно выше подлинника. Подлинник является просто осчастливленным».³⁸ Наконец, для Аксакова всегда было совершенно очевидно, что гений Пушкина способен выражать истину («субстанцию народного духа») наперекор внешним препядам, «несмотря на иностранные воспитание и его (Пушкина. — H. B.), и общества». С этой точки зрения ослаблялось хомяковское утверждение, что Пушкин «развратился в салоне».

Кохановская не ставила себе целью «вместить» творчество Пушкина в славянофильскую концепцию русской литературы по той простой причине, что имела о ней весьма смутные представления. Ее статья не вызвала единодушного положительного отклика у славянофилов. Слабость статьи видел и Аксаков, который, казалось бы, восторженно ее принял. Об этом свидетельствуют его

³⁶ Русская беседа. 1856. Кн. I. С. 14.

³⁷ Цит. по: Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков. С. 39.

³⁸ Русское обозрение. 1897. № 2. С. 589.

многочисленные замечания на статью, высказанные автору в письмах. Более того, некоторое время спустя он даже недвусмысленно посоветует ей отказаться от литературной критики, а больше писать художественных произведений: «...вы по призванию художник, и ваша исповедь должна быть художественной».³⁹ Тем не менее Аксаков счел возможным поместить статью Кохановской о Пушкине в славянофильской «Русской беседе», так как формально она не противоречила эстетической программе журнала. К тому же со всей очевидностью выяснился и личный нравственно-религиозный идеал писательницы, который естественно сказывался в ее собственном художественном творчестве.

К концу 1850-х гг. Аксаков, осмысляя современный литературный процесс с «философской» (славянофильской) позиции, приходит к выводам: 1) «отрицательный» этап пройден; 2) собственное творчество и творчество других славянофилов, а также новых выдающихся писателей — Тургенева, Толстого, Гончарова и др. — отрицательное, значит, не несет нового слова;⁴⁰ 3) Гоголь, пытавшийся найти положительную альтернативу собственному отрицанию, «не там искал»⁴¹ (отказался от художественного творчества в пользу реальной религиозной проповеди); 4) Пушкин, при всей его гениальности, не может выступать в качестве положительного народного идеала, поскольку уже приобрел статус исторического явления и на современном этапе требуется его «оправдание»;⁴² 5) «Семейная хроника» и «После обеда в гостях» начинают собой новую эпоху в литературе;⁴³ 6) после смерти С. Т. Аксакова реальным живым представителем «положительного» направления остается Кохановская.

В 1860-е гг. Аксаков не только неизменно предоставляет Коханской страницы своего «Дня», но и всемерно ей помогает, в том числе в практических издательских делах, поддерживает, реклами-

³⁹ Там же. С. 599.

⁴⁰ О собственном творчестве Аксаков высказывался так: «Людям, измученным анализом, отрицательным и критическим направлением, едва ли доступен синтезис и положительное отношение к жизни, столько чаемое и желанное ими» (Там же. С. 594).

⁴¹ Там же. С. 572.

⁴² Ср. с высказыванием Аксакова о статье «Степной цветок на могилу Пушкина»: «Статья Ваша о Пушкине — самое торжественное ему оправдание, его истинное прославление» (Там же. С. 584).

⁴³ Там же. С. 569.

рует,⁴⁴ в самых восторженных тонах оценивает ее художественные произведения, хотя и одновременно предъявляет массу замечаний стилистического, а иногда и содержательного плана. Замечания эти, вызывающие в той или иной степени противодействие или согласие писательницы, порою носят характер личных вкусовых предпочтений старшего славянофила. Вместе с тем очевидно, что доверительные, интимные взаимоотношения Аксакова и Соханской нашли отражение в их творчестве. Так, сообщение Аксакова о физическом целомудрии К. Аксакова и Хомякова,⁴⁵ видимо, сказалось в образе положительного эпического героя Кохановской — Роя Феодосия Саввича, — который торжественно признается своей невесте, что он девственник. Интересный пример творческого взаимовлияния связан с повестью Кохановской «Гайка». Еще в 1859 г. Аксаков просил эту повесть для публикации в «Русской беседе», правда, в переработанном и доработанном виде по сравнению с тем вариантом, который был опубликован в 1856 г. в «Пантоне». В результате настойчивости Аксакова повесть обогатилась развернутой финальной сценой, а 24—25 июня 1860 г. Соханская писала Аксакову: «Она напечатана в апрельской книге „Русского Слова“ с развитым окончанием и со всем тем, принятым во внимание, на что вы мне указывали, если припомните, в вашем письме. (...) Следствием всего этого было то, что (говоря словами корреспондента „Русского Слова“) „Гайка“ произвела сильное впечатление на петербургскую публику и возбудила толки и восторженные похвалы».⁴⁶

⁴⁴ Скорей всего данный анонс составлен самим Аксаковым: «С радостью извещаем читателей, что на днях выйдут в свет «Повести Кохановской», две части, содержащие в себе ее лучшие шесть повестей, в том числе «После обеда в гостях», «Галерею портретов», «Кириллу Петрова» и проч. Всеобщая известность сильного, оригинального таланта г-жи Кохановской ручается за успех этого издания, которого уже давно требовала публика и которое, по всей вероятности, скоро окажется необходимой принадлежностью всякой сколько-нибудь порядочной русской библиотеки. Издание изящно» (День. 1863. 12 янв. № 1. С. 18). См. также: Н. Б. (Павлов Н. М.) Письма к редактору Дня по поводу повести г-жи Кохановской // День. 1864. № 23, 24, 25, 26.

⁴⁵ Русское обозрение. 1897. Кн. III. С. 564—565.

⁴⁶ Там же. С. 170—172. В 1863 г., когда Аксаков занимался изданием «Повестей Кохановской», он, за неимением рукописи «Гайки», использовал оттиски из «Русского слова», причем поместил эту повесть в начале второго тома.

Аксакова особенно восхитил образ главного героя повести — Алексея Леонтьевича, он неизменно вызывал эмоции, сродни личной симпатии. Так, в 1861 г. Аксаков писал: «Я бы хотел себе в корреспонденты — знаете кого? Вот этого господина (прости-те — забыл его имя, а оно так и вертится на языке, да не останавливаться же для этого), главного героя вашей повести „Гайка“, этого здорового, цельного господина, у которого каждое слово — как веское зерно, который весь как ствол, обхватывающий землю крепкими корнями. Но, к сожалению, эти господа не пишут, а когда начнут писать и рефлектировать, то это верный признак ослабления корней и худосочия. Трудно, чтоб анализ не помешал синтезу; но именно эта задача задана России».⁴⁷ Аксаков давно искал в русской литературе такой тип мужского героя, которого можно было бы примерить к себе. Ранее такую «мужественную» цельность он мог почувствовать, как ни странно, только в женских образах.⁴⁸ Кроме этого, Аксакова, по всей видимости, привлекал и христианский взгляд на брак, который всегда торжествовал в повестях Кохановской. На фоне разгора шумных споров по «женскому вопросу» в 1860-е гг. Аксаков как редактор славянофильского издания, литератор и частный человек последовательно проводил близкий ему консервативный взгляд на роль и значение женщины, совмещающий и примиряющий национальный, ортодоксально-православный, нравственный и гуманистически-общественный аспекты.⁴⁹ Были и личные мотивы для глубокого осмыслиения сущности христианского брака — предстоящая женитьба в начале 1866 г. на А. Ф. Тютчевой. Период жениховства ознаменовался для Аксакова бурной и продолжительной перепиской с невестой (до сих пор не до конца опубликованной), в которой закономерно центральное место занимают размышления о сущности брака. В этих

⁴⁷ Русское обозрение. 1897. № 4. С. 551.

⁴⁸ Ранее уже обращалось внимание на то, что в юношеском дневнике Аксаков, обильно цитируя пушкинского «Евгения Онегина», себя, мужчину, сравнивает в эмоциональном плане именно с женщиной, Татьяной. См.: Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169—181.

⁴⁹ См.: Вихрова Н. Н. Славянофильская газета «День» (1861—1865) о женском вопросе // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Історичні науки. Педагогічні науки. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Ізмаїл, 2013. Вип. 32. С. 104—109.

размышлениях переплавлялись самые авторитетные для Аксакова и глубоко прочувствованные им источники: от евангельских и апостольских истин до узнаваемых литературных реминисценций из Пушкина, Гоголя, К. Аксакова и др. Место повести «Гайка» Кохановской среди этих источников — особое. Видимо, считая, что появление финальной сцены этой повести в какой-то степени связано с его настойчивостью или просто чувствуя ееозвучность с личными переживаниями, Аксаков почти дословно воспроизвел ее в стихах, посвященных невесте — А. Ф. Тютчевой.⁵⁰ Стихи содержатся в письме от 27 августа 1865 г. и сопровождаются такими словами: «Вот тебе на сон грядущий — знаешь что? Стихи. (...) Истинно, я не придаю им никакого значения, а так — потешил себя и надеюсь тебя потешить, да и не отделаны стихи». Приведем это стихотворение полностью:

День свой окончив, усталая, хилая,
С Богом усни, моя Анна.
Будь тебе ночь, моя пленница милая,
В радость — свята, безмечтанна.

⁵⁰ Ср. небольшой фрагмент финальной сцены повести, в нем выделены фразы, буквально или по смыслу совпадающие со словами аксаковского стихотворения:

«Мила склонила свою головку и совсем прилегла к плечу мужа. **Приняв на себя это легкое бремя**, Алексей Леонтьевич, кажется, заговорил еще бодрее и веселее. (...)

— **Започивала!** — сказал Алексей Леонтьевич (...).

— Что ж мы, матушка, только будем смотреть на нее? Так мы никогда не насмотримся. Пусть она привыкат **почивать под голос мужа**, как ведь она засыпала же, пани матерь, под вашу колыбельную песенку.

— Пусть почивает... Ведь она сегодня, пани матери, **встала наравне со мною**, говорил Алексей Леонтьевич этим мягким голосом: **Зачем это?** говорю я. **На какую заботу поднялась, Мила?** О чём нужно, я позабочусь. Спи, моя мила дорогая... (...)

— Нет, Алексей Леонтьевич! (...) **Будить и покоить — это теперь ваше супружеское дело;** а я здесь — сторона... Мне и самой на спокой пора. **Вот перекрестить ее, как мать, я могу.** Перекрестила дочь пани воеводша и удалилась в дом.

Оставалось Алексею Леонтьевичу самому будить свою детскую уснувшую на его плече жену. (...)

— Ведь это разор голове започивала как! **Мила!** Какая ты, выходишь соня, **Мила!**... **Да проснись, моя Мила!** Матушка была да пошла и благословила тебя, **Мила, слышишь?** **Крестом перекрестила тебя** и соловьей, **Мила**, наше счастье поет — а ты и не слышишь, **Мила!**..

Спи — не смущаясь житейскою битвою:
Есть, кто печется, кто любит.
Бодрствует друг над тобою с молитвою,
Мир твой блудет и голубит...
Легкое бремя мое! Тихое счастье мое,
Бога мне явная милость.
Мне ль не ласкатъ ее? Мне ль не беречь ее,
Мне — твою слабость и хилость?
Скоро ль придти тому дню благодатному,
Скоро ль твой плен я нарушу,
Скоро ль с тобой по пути безвозвратному
Вместе пойдем — душа в душу?
Пусть же погода нам хмурится, хмарится,
Гладью нам будет дорога.
Вместе пожить с тобой, вместе состариться —
Вот что прошу я у Бога.
Добрых сынов — речь держу я к невесте —
Будем для Руси готовить,
Будем трудиться, и Господа вместе
Чествовать, петь, славословить.
Спи, почивай — но проснись не унылая,
Радостью вся осиянна,
Богу молись и встречай меня, милая,
Милая, милая Анна.⁵¹

Отправляя эти стихи невесте, Аксаков не мог не понимать, что Анна Федоровна сразу распознает источник заимствования поэтической темы. Тютчева и Соханская довольно близко сошлись в 1862 г., когда писательница гостила в Петербурге, и в дальнейшем переписывались.⁵² Один из первых экземпляров новоизданной

⁵¹ Публикуется впервые по машинописной копии: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 68.

⁵² См. письмо Аксакова к Соханской от 18 июля 1862 г., свидетельствующее о душевной близости обеих женщин: «Вслед за вашим письмом, как бы в дополнение к нему, получил я письмо от Анны Федоровны — истинно прелестное письмо. Вы в вашем письме говорите о ней, — она о вас, и ваши письма, лежащие на моем столе рядом, не только взаимно пополняют и дополняют друг друга, но составляют какой-то стройный аккорд душевых звуков. Очень хочется сосплетничать: вам показать письмо Тютчевой, а Тютчевой — ваше, — ссоры от этого не произойдет!» (Русское обозрение. 1897. № 2. С. 509).

книги «Повести Кохановской» предназначался именно А. Ф. Тютчевой. С другой стороны, в стихах органично переплавились собственно аксаковские представления о существе отношений мужчины и женщины, обильно представленные на страницах переписки с невестой.⁵³ Как бы то ни было, но тема христианского брака, предполагавшего покорность жены мужу как результат ее свободного выбора, была близка и Аксакову, и А. Ф. Тютчевой, поэтому, когда ему показалось, что муз Кохановской замолчала,⁵⁴ Аксаков предлагал будущей жене в письме от 5 октября 1865 г.: «Давай писать роман, Анна, непременно давай писать вместе роман, и представим там идеал русской женщины, оправдаем взгляд русский и христианский (...). И обязанность романиста показать в этом повиновении (о покорности жены мужу — *H. B.*) силу, в этих отношениях жены к мужу такую поэзию, такую жизнь...»⁵⁵ В письме от 21 октября 1865 г. он вновь обращается к идеи романа, но замысел остался неосуществленным. Однако характерно, что он возник, когда Аксаков, видимо, внутренне стал уже охладевать к творчеству писательницы, хотя личные добрые отношения сохранил до конца ее жизни. Апогеем развития творческого диалога Аксакова и Кохановской стала публикация в «Дне» повести «Рой Феодосий Саввич на спокое»⁵⁶, сопровождаемая и размещением пространной благожелательной критики Н. М. Павлова,⁵⁷ снабженной примечаниями главного редактора, и личной перепиской с писательницей. Однако финал повести Аксакову решительно не понравился, несмотря на то, что начало было принято с восторгом. В дальнейшем

⁵³ Ср., например, в письме от 8 октября 1865 г.: «Не только в браке, но и вообще, главное наслаждение в мужской любви — это обладание в обширном смысле слова, это *власть*, приобретаемая над целым другим существом человеческим, это *ноша*, возлагаемая на могучие плечи. (...) Нравственная сила мужчины находит главное наслаждение в любви, сколько-нибудь не грубой, именно в господстве и в бремени той ответственности, которая ложится на него за другое существо. (...) Но для этого нужно, чтоб мужчины действительно обладали мужским характером, были тверды и самостоятельны, были не бабами» (Письма И. С. Аксакова к А. Ф. Тютчевой / Публ. Г. Чагина и Л. Гладковой // Москва. 1992. № 7/8. С. 164).

⁵⁴ Последняя публикация ее художественного произведения в «Дне» («Рой Феодосий Саввич на спокое») завершилась в апреле 1864 г., т. е. более полутора лет назад.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 118—119.

⁵⁶ День. 1864. № 5—13, 15.

⁵⁷ См. примеч. 44.

интерес к творчеству Кохановской медленно угасает. Драматический опыт «Слава Богу, что мужик лапотку сплел»⁵⁸ он, видимо, вообще не заметил. Большую статью, направленную против «Исповеди» Л. Толстого, продержал у себя год (!), но так и не опубликовал в своей «Руси».⁵⁹ Когда Соханская умерла, Аксаков написал проникновенный некролог, но и он звучал как сожаление о нереализованности ее таланта при всех «могучих» задатках.⁶⁰ Думается, такое некоторое охлаждение было связано с изменением вектора восприятия русской литературы, которое, в свою очередь, произошло под влиянием осмыслиения поэтического феномена Ф. И. Тютчева. Поняв, что «эксперимент» с Кохановской не удался, Аксаков вернулся к своей любимой мысли о том, что русские поэты творили «не благодаря, а вопреки внешним условиям», то есть заключали в себе неосознанные, но мощные духовные силы, способные с помощью художественного наития достигать глубин народного духа, несмотря на «ненародную» внешнюю оболочку. Это положение он развернул в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» (1874) и «Пушкинской» речи (1880).

⁵⁸ Заря. 1871. № 1.

⁵⁹ Соханская опубликовала ее в «Гражданине» (1884. № 8—11), снабдив преамбулой: «Ваше издание единственное, в котором можно попытаться представить возражение на это безумство зазнавшегося философствования» (Гражданин. 1884. 31 янв. № 8). После смерти Соханской Аксаков опубликовал в «Руси» начало ее неоконченного романа «Степная барышня сороковых годов» (1885. № 4—6) и новеллу «Сумеречные рассказы» (1885. № 7), отклоненную в 1865 г. по этическим соображениям для публикации в газете «День» (см. письмо Соханской от 10 января 1865 г.: Русское обозрение. 1897. № 9. С. 6). (Думается, что Аксакова несправедливо обвинять в том, что он продержал год и не опубликовал возражение Кохановской Толстому. В 1883 г. писательница еще не собиралась печатать свое «Письмо к гр. Л. Н. Толстому...», список с него она послала Аксаковым в ряду других своих друзей лишь для ознакомления и для того, чтобы заручиться их поддержкой. На протяжении года после отправки «Письма» Толстому (1 марта 1883 г.) Кохановская продолжала ждать ответа от своего прямого адресата. — Примеч. О. Фетисенко.)

⁶⁰ Ср.: «Слишком ярка лежит на произведениях Кохановской печать русской народности в смысле бытовой и религиозной цельности, слишком живо присущ им именно тот дух жизни, который так мало понятен и сочувствен современному русскому «культурному» человеку; слишком несомненно дышат они верою для нашей скептической интеллигенции, слишком мужественны для слабосильной, размякшей волею, обабившейся русской общественной среды...» (Аксаков И. С. Некролог Н. С. Соханской // Руль. 1884. 15 дек. № 24. С. 13).